

RU

В. Я. Брюсов в художественном сознании Н. А. Клюева

Серегина С. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление текстуальных переключек и общности образно-мотивного ряда в творчестве В. Я. Брюсова и Н. А. Клюева, что помогает понять механизмы литературной преемственности, а также осмыслить единство литературного процесса. Научная новизна работы заключается в том, что посредством сравнительного анализа впервые выявляются образы и мотивы в произведениях Клюева, которые оформились под влиянием Брюсова. Это образ странника, мотивы метафизического пути и избранничества как духовной ипостаси, которая принадлежит человеку из народа. Доказывается, что клюевская небесная топонимика и утопическое художественно-философское пространство также восходит к брюсовскому истоку. Выявлено, что Брюсова и Клюева отчасти объединяют категория братства как мистического единения посвященных с проективными задачами и понимание искусства как «священной жертвы», визионерского сверхчувственного опыта и метафизического откровения. В результате зафиксирована суть творческой полемики Клюева с Брюсовым: новокрестьянский поэт, в отличие от поэта-символиста, видит источник своего искусства в «нетленных кладах народного духа», а свое избранничество – в «посвящении от народа».

EN

V. Ya. Bryusov in the artistic consciousness of N. A. Klyuev

S. A. Seregina

Abstract. The purpose of the study is to identify textual echoes and commonalities in the imagery and motif system within the works of V. Ya. Bryusov and N. A. Klyuev, which aids in understanding the mechanisms of literary succession as well as comprehending the unity of the literary process. The scientific novelty of the work lies in the fact that, through comparative analysis, it reveals for the first time the images and motifs in Klyuev's works that took shape under the influence of Bryusov. These include the image of the wanderer, the motifs of the metaphysical path, and chosenness as a spiritual hypostasis belonging to a person of common folk origin. It is demonstrated that Klyuev's celestial toponymy and utopian artistic-philosophical space also trace back to a Bryusovian source. It is established that Bryusov and Klyuev are partly united by the category of brotherhood as a mystical communion of initiates oriented toward projective tasks, as well as by the understanding of art as a "sacred sacrifice", visionary extrasensory experience, and metaphysical revelation. As a result, the essence of Klyuev's creative polemic with Bryusov is defined: unlike the Symbolist poet, the New Peasant poet sees the source of his art in the "imperishable treasures of the popular spirit" and his chosenness in an "initiation granted by the people".

Введение

Изучение Н. А. Клюева как «новокрестьянского поэта» зачастую заслоняет от исследователей то своеобразие художественного наследия поэта, которое нельзя объяснить исключительно его обращением к народной культуре. Текстуальные переключки и общность образно-мотивного ряда в творчестве В. Я. Брюсова и Н. А. Клюева помогают понять механизмы литературной преемственности, а также осмыслить единство литературного процесса первой четверти XX в. Аналитическое осмысление диалога поэтов, выявление важнейших аспектов этого диалога и его конкретного содержания необходимы для объективной оценки места Клюева в литературном процессе, а также для более глубокого понимания непрерывности русской литературно-философской традиции. Научная значимость заявленной проблемы обусловлена также перспективами раскрытия взаимовлияния «новокрестьянских поэтов» и поэтов-символистов. Актуальность этой комплексной проблематики в целом связана с необходимостью детальной реконструкции истории русской литературы, а также анализа конкретного литературного материала сквозь призму важных теоретических вопросов традиции, влияния, новаторства, творческого диалога.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить образы и мотивы в произведениях Клюева 1900-х – 1910-х гг., которые оформились под влиянием Брюсова;
- обнаружить семантическое своеобразие этого образно-мотивного ряда и особенности его поэтической репрезентации;
- определить роль Брюсова в оформлении художественно-идейных доминант творческого сознания Клюева 1900-х – 1910-х гг.

При решении задач, определенных в работе, применен комплексный методологический аппарат: сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить произведения поэта-символиста и новокрестьянского поэта, выявляя их сходства, различия, а также генетическую связь; мифопоэтический подход, давший возможность рассматривать произведение как текст с архетипической структурой, построенный по законам мифотворчества; культурно-исторический метод, помогающий обнаружить связь произведения с культурным ландшафтом эпохи, в которую оно было создано.

Материалом исследования служат произведения В. Я. Брюсова и Н. А. Клюева 1900-х – 1910-х гг.: это клюевские книги «Сосен перезвон» (1911), «Лесные были» (1913), брюсовские сборники «Все напевы» (1909), «Tertia Vigilia. Книга новых стихов 1897-1900», а также публикации поэтов в журнале «Новая земля». Привлечены толковый словарь В. И. Даля (1865), собрание духовных стихов П. А. Бессонова (1861) и эпистолярное наследие Клюева: письма поэта к А. А. Блоку (Клюев, 2003b) и В. Я. Брюсову (Клюев, 2003a).

Теоретическую базу исследования составили труды К. М. Азадовского (2003), В. Г. Базанова (1990) и С. И. Субботина (2009), посвященные биографии Клюева, а также С. Г. Семеновой (2004) и Н. М. Солнцевой, Е. Г. Солнцевой (2025), раскрывающие проблемы религиозно-философского контекста произведений поэта. Значимыми стали работы И. В. Кудряшова и С. Н. Пяткина (2025), а также Е. И. Марковой (2009), Т. А. Пономаревой (2021), Д. Б. Терешкиной (2019), анализирующих клюевскую поэтику, в т. ч. в аспекте влияний.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовском преподавании творческого наследия Н. А. Клюева, а также в разработке спецкурсов и семинаров, посвященных проблемам сравнительного литературоведения. Материалы и выводы работы могут быть применены при подготовке учебных пособий и методических материалов по истории русской литературы первой четверти XX в.

Обсуждение и результаты

Недолгий период общения между Н. А. Клюевым и В. Я. Брюсовым относится к 1911-1912 гг. и связан с изданием первого сборника новокрестьянского поэта «Сосен перезвон». Как известно, В. Я. Брюсов стал автором предисловия к этой книге, так в творческой биографии новокрестьянского поэта ярко обозначилась связь с миром символизма. Отношения между Клюевым и Брюсовым завязываются летом 1911 г. благодаря И. Брихничеву: «по инициативе Брихничева первая книга <Клюева> “Сосен перезвон” вышла с предисловием В. Брюсова» (Солнцева, Солнцева, 2025, с. 118). В августе 1911 г. Клюев появляется в доме Брюсовых, (Азадовский, 2003, с. 315), позднее Брюсов привлекает Клюева к сотрудничеству с журналом «Русская мысль» и в целом демонстрирует по отношению к начинающему поэту доброжелательность и принятие его таланта. «Поэзия Клюева жива внутренним огнем, горевшим в душе поэта, когда он слагал свои песни. И этот огонь, прорываясь в отдельных строках, вспыхивает вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным» (1913, с. 6), – так Брюсов ощущал подлинность и глубину ранних стихотворных опытов Клюева. Клюев, отвечая взаимностью поэту-символисту, признавался ему в письме 30 ноября 1911 г.: «“Пути и перепутья” потрясли, обожгли душу мою, и сладко нежащий вещий страх обуял меня» (2003a, с. 335). В этот же день Клюев отправляет Брюсову книгу, сопроводив ее открыткой. Экземпляр книги «Сосен перезвон» сохранился в библиотеке Брюсова с правкой автора и дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову – Николай Клюев. Андома. Ноябрь. 1911» (Клюев, 2003a, с. 341). В мае 1912 г. Клюев отправляет Брюсову свой второй сборник – книгу «Братские песни» (1912), сопроводив ее дарственной надписью: «Умно любимому Валерию Яковлевичу Брюсову Николай Клюев. Андома, месяц май 1912 г.» (Клюев, 2003a, с. 320). В начале 1913 г. при посредничестве Брюсова и А. Н. Толстого ярославский издатель К. Ф. Некрасов выпустил в свет книги Клюева «Лесные были» и второе издание «Сосен перезвон» (Субботин, 2009, с. 16). Оба поэтических сборника также сопровождалась дарственными надписями, проникнутыми пиететом по отношению к мэтру символизма – «мудрому сказителю, слова рачителю» (Азадовский, 2003, с. 321), как назвал его Клюев в инскрипте на книге «Лесные были». Отклики Брюсова на эти знаки человеческого и литературного внимания были благожелательными. Так, через несколько месяцев после выхода книги «Сосен перезвон» он делает примечательную дарственную надпись на фотографии: «Любимому поэту Николаю Алексеевичу Клюеву в знак дружбы “Издревле сладостный союз Поэтов меж собой связует”. Москва, 4 декабря 1912. Валерий Брюсов» (Азадовский, 2003, с. 321). После революции оценка Брюсовым Клюева меняется, их пути окончательно расходятся – эти этапы непродолжительного диалога двух поэтов описаны К. М. Азадовским (2003) в его предисловии к публикации переписки Клюева с Брюсовым и двух писем Клюева к И. М. Брюсовой. Подробная фактография исследования Азадовского – единственной работы по проблеме «Клюев и Брюсов» – эту тему не исчерпывает. Не ставя себе целью раскрыть ее полностью, обозначим в этой статье те художественно-философские доминанты, которые оказались особенно востребованы новокрестьянским поэтом в 1900-е – 1910-е гг.

Прежде всего необходимо сказать, что творческое общение Клюева с Брюсовым, завязавшееся в 1911 г., не было его первым соприкосновением с символистами. С 1908 г. Клюев состоял в переписке с А. А. Блоком, испытывая огромное влияние его эстетики и поэтики. Диалог Клюева с А. М. Добролюбовым и Л. Д. Семеновым также оказал значительное воздействие на оформление художественно-философского мышления и на образно-мотивный ряд его произведений 1900-х – 1910-х гг. Однако Брюсов занимает в этом «перекрестном опылении» символистов совершенно особое место. Из писем Клюева к Блоку становится понятно, что новокрестыанский поэт знал произведения Брюсова уже в 1909 г. Так, в письме Блоку (январь-февраль 1909 г.) Клюев пишет: «Хотелось бы любовно прочесть – Бальмонта, Брюсова – что-либо. Уж больно цветущи кажутся мне их стихи, которые мне изредка приходилось прочитывать кой-где...» (Клюев, 2003b, с. 183). Спустя год – 22 января 1910 г. – в письме Блоку Клюев называет Брюсова среди авторов книг, которые он просит прислать ему: «<...> Не огорчитесь моей старой просьбой о книгах – стихов – Бальмонта, Брюсова...» (2003b, с. 208), – Клюев решает серьезно «заняться изучением поэзии декадентов» (Базанов, 1990, с. 64). Аналогичная же просьба содержится в письме 5 ноября 1910 г.: «Тяжело утруждать Вас, но приходится просить еще о книгах поэзии – Брюсова, Бальмонта...» (Клюев, 2003b, с. 232). Таким образом, становится понятно, что Клюев знает и активно интересуется творчеством Брюсова с конца 1900-х гг. Новый виток интереса был связан с началом сотрудничества Брюсова с журналом «Новая земля» – печатным органом «гогольских христиан», в котором сам Клюев также начинает печататься с конца 1910 г.

В № 15 журнала «Новая земля» за 1910 г. публикуется стихотворение Брюсова «На лесной дороге», в котором возникает образно-мотивный ряд, исключительно близкий Клюеву 1900-х гг. Это, прежде всего, образ «странника» в «сером, рваном армяке» (Брюсов, 1973b, с. 34), который не столько идет по реальной дороге, сколько преодолевает метафизический путь, осуществляя свой духовный поиск: «Кто ты? может быть, избранник, / Бога ищущий в тоске?» (Брюсов, 1973b, с. 34). Менее чем через год после брюсовской публикации в «Новой земле», Клюев напечатал там же (№ 24, 1911) стихотворение «Пилигрим», заглавный образ которого типологически связан с брюсовским «странником»: «Я пришел к тебе убогий, / Из отшельничьих пустынь, / От родимого порога / Пилигрима не отринь» (Клюев, 1999, с. 143). «Убогий пилигрим» Клюева и «странник» в «равном армяке» Брюсова кажутся близкими формально и содержательно. Детали стихотворного портрета брюсовского лирического героя в целом напоминают черты поэтического «я» в лирике Клюева 1900-х гг.: «Пусть я в лаптях, в сермяге серой, / В рубаше грубой, пестрядной, / Но я живу с глубокой верой / В иную жизнь, в удел иной!» (Клюев, 1999, с. 82). Клюев и Брюсов совпадали в представлении об истинной жизни как о духовном странничестве. В стихотворении «На лесной дороге» Брюсов близок к клюевской вере в «нетленные клады народного духа» (Клюев, 2003с, с. 35), которая задает верный вектор этому странничеству.

Другой важный мотив, объединяющий творчество поэтов 1900-х гг. и находящий свое воплощение в стихотворении «На лесной дороге», – это мотив избранничества. В мифотворческом осмыслении своего «я» Клюев довольно рано начал ощущать себя избранным «учеником-апостолом» (Маркова, 2009, с. 126). Особенно важной для новокрестыанского поэта была брюсовская транскрипция избранничества как духовной ипостаси, которая принадлежит человеку из народа – «безвестному проходящему», труженику в прошлом, ныне просящему подаюние «Божьим именем» (Брюсов, 1973b, с. 34). Очевидно, что Брюсов здесь имеет в виду калику – «нищего, распевającego стихи, псалмы, духовные песни» (Даль, 1865, с. 695) в надежде получить милостыню. Нравственный идеал смирения и убожества, который калики воплощали собой в русской культуре, восходит к Заповедям блаженства Христа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3) и «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5). Этот идеал обретал особое звучание в русской традиции. Так, первый выпуск собрания духовных стихов П. А. Бессонова (1861) открывается подразделом «Что об себе поют калеки переходящие». Духовный стих о каликах переходящих повествует об обращении Иоанна Богослова к Христу после его вознесения: Иоанн Богослов просит дать каликам «свое святое имя», благодаря которому они будут «сыты да и пьяны», «и обуты и одеты» (Бессонов, 1861, с. 2). Таким образом, в глубине народной традиции калики – это те, кто в буквальном смысле живет именем Христа, что наделяет их образ этической высотой. 10 ноября 1910 г. Клюев отправляет Блоку письмо, к которому прикладывает ряд стихотворений. Среди них «Родное» (<1910>), где центральный образ (как и в брюсовском стихотворении) – образ калики:

Богоданный я, беспошлинный,
В поле нищими найден,
От Печерских пробираюся
К Соловецким на поклон.
Посчитай, вокруг Россиюшку
Христа ради обошел... (Клюев, 1999, с. 133).

Для Клюева был важен поиск «поддонной народной правды» (2003с, 59), которая поможет обрести «невидимый народный Иерусалим» (2003с, 35): «к “русской идее”, христианской идее, Клюев проник через заповеданные ее глубины и дал самое таинственное, народное по духу и вместе изощренно-поэтическое ее выражение» (Семенова, 2004, с. 323). Образ нищего «Христа ради» – это воплощение смиренного страдальческого состояния души, постигающей на своем жертвенном пути духовную истину. Для художественного сознания Клюева характерна репрезентация «жертвенного пути лирического субъекта как носителя и выразителя авторского сознания» (Кудряшов, Пяткин, 2025, с. 295). Таким образом, нищий «Христа ради» – это своего рода

инвариант авторского мифа Клюева. Этой мифотворческой линии в некоторой степени следует и Брюсов, хотя для него, в отличие от Клюева, он является лишь одним из возможных житнетворческих принципов. Именно поэтому брюсовское стихотворение заканчивается прозаично: «И уж я забыл о встрече, / Заглядаюсь на красный гриб» (Брюсов, 1973b, с. 34). Для Клюева его избранничество – это «посвящение от народа» («Я – посвященный от народа, / На мне великая печать» (1999, с. 391)): в художественно-философском сознании Клюева оно всегда оставалось величиной постоянной в своем содержании и особом духовно-творческом напряжении. Внутреннее клюевское ощущение этого посвящения давало поэту основание для особых поэтических дерзаний. 30 ноября 1911 г. Клюев отправляет Брюсову несколько стихотворений, в т. ч. «Вы обещали нам сады...» (<1911>), позднее включенное во второе издание сборника «Сосен перезвон». Первая строка этого текста восходит к началу стихотворения К. Д. Бальмонта «Оттуда» (1898), источником которого, в свою очередь, стал Коран. При публикации Клюев обозначил в эпиграфе бальмонтовский источник, однако в автографе, отправленном Брюсову он отсутствует: Клюев понимал, что адресат без труда идентифицирует литературный исток первой строки. В то же время Клюев, скорее всего, знал стихотворение Брюсова «Гесперидамы сады» (1906), входившее в состав брюсовского сборника «Все напевы» (1909):

Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью
Гесперидамы сады (Брюсов, 1973b, с. 521).

Идиллическое пространство садов Гесперид, воспринятое Клюевым сквозь призму брюсовского текста, вполне могло быть одним из источников небесной топонимики и мотива духовного движения к «берегам иной земли» (1999, с. 97) в лирике новокрестянского поэта 1900-х гг. Этот мотив «берет начало в фольклорно-мифологических представлениях и христианской аксиологии – самых релевантных источниках клюевской картины мира» (Пономарева, 2021, с. 190). Однако брюсовские произведения (наряду с книгами А. А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная радость» и Андрея Белого «Золото в лазури») становятся непосредственным литературным контекстом, в котором формируется клюевский мотив духовного движения к иному миру и его «ожидание сверхъестественного преображения мира за пределами истории» (Нике, 2006, с. 82).

«Украшенный чертог», «райские кринь», «берега иной земли», «Материк желанной суши» (1999, с. 97), «лучезарные райские реки» (1999, с. 158), «неведомые светлы» (1999, с. 158), «нетленный сад» (1999, с. 159), – вот неполный перечень названий идиллического топоса Клюева. Новокрестянский поэт, реминисцируя строку из бальмонтовского текста и отправляя свое стихотворение Брюсову, прямо указывал на символизм как на непосредственный источник своего утопического художественно-философского пространства. Не менее прямолинейно Клюев обозначил несостоятельность житнетворческих претензий символистов, противопоставив им коллективное «мы» «посвященных от народа»:

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы, –
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы (Клюев, 1999, с. 145).

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что одним из источников этого пассионарного «мы» Клюева также является лирика Брюсова – его стихотворение «Мы» (1899) из сборника «Tertia Vigilia. Книга новых стихов 1897-1900» (М., 1900):

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите вдаль с вышины!
Нам чуждо сомнение, нам трепет неведом, –
Мы грёбень встающей волны (Брюсов, 1973а, с. 230).

Несмотря на разность художественного наполнения образа «мы» у Клюева и Брюсова, их очевидно сближают житнетворческий пафос, мотивы преодоления, борьбы, витальности, а также образ будущего, которое «мы» знаменуют и влекут за собой. Исключительно важен для Клюева и образ братьев. Категория братства – одна из центральных в художественно-философском сознании поэта. Оформившись на основе евангельской максимы братолюбия, эта категория наполнилась своим духовным содержанием под влиянием Добролюбова, Блока, Белого и, очевидно, не без воздействия Брюсова. Вслед за символистами Клюев понимал братство как духовное единение посвященных с проективными житнетворческими задачами. Эти смыслы явлены в ранней лирике Брюсова. Так, они явственно звучат в стихотворении «Братьям соблазненным» (1899), включенным в уже упомянутый выше сборник «Tertia Vigilia». Здесь братья – «облаком плененные» (Брюсов, 1973а, с. 225), т. е. принадлежащие надмирной метафизической реальности. Поэт призывает их к преодолению созидательного духовного пути:

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли! (Брюсов, 1973а, с. 225).

Братство у Брюсова объединено онтологической воскресительной целью: «Все вперед – от возрождения / К возрождению сквозь гроба!» (Брюсов, 1973а, с. 602). Похожая мифопоэтическая схема братства появляется и у Клюева: в сборнике «Братские песни» братья-воины охраняют «нетленный город» и объединены жизне-творческой задачей: «Человеческие роды / Повести к живым рекам» (1999, с. 153). Они являют собой мистический союз посвященных («Укрепитесь, собратья, хлебом-солью, / Причаститесь незримой Агнчей Кровью» (Клюев, 1999, с. 177)), подлинно существующий в метафизической реальности, где «совершается круг испупительной жертвы» (Терешкина, 2019, с. 100) («Разделяют с нами брашна серафимы, / Осеняют нас крылами легке дыма» (Клюев, 1999, с. 176)).

Наконец, Клюев воспринимает у символистов, в т. ч. у Брюсова, представление об искусстве как визионерском сверхчувственном опыте. «Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это – приотворенные двери в Вечность» (Брюсов, 1975, с. 91). Одним из метафорических образов этого брюсовского представления о подлинном искусстве становится образ вина. Он возникает в стихотворении «В полдень» (1903, 1904) из сборника «Венок: Стихи 1903-1905 года» (М., 1906):

И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино... (Брюсов, 1973а, с. 396).

Этот же образ возникает в клюевском стихотворении «Есть то, чего не видел глаз...» (1910), написанном, как и брюсовский текст, четырехстопным ямбом:

Недостижимо смерти дно,
И реки жизни быстротечны, –
Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вечно (Клюев, 1999, с. 124).

Оба стихотворения объединяет мотив полета и обретения духовной высоты: «И я с поспешностью томительной / Всем существом впиваю высь» (Брюсов, 1973а, с. 397) vs «Зажгу с высот Материка / Путеводительные светлы» (Клюев, 1999, с. 125). Именно на этой высоте оказывается возможным подлинное творческое откровение. Для Клюева важным оказывается брюсовское понимание искусства как «священной жертвы» и «великого костра»: «На алтарь нашего божества мы бросаем самих себя. Только жреческий нож, рассекающий грудь, дает право на имя поэта» (Брюсов, 1975, с. 99). Идея поэзии как творческого горения возникает в стихотворении Клюева «Я был в духе в день воскресный...» (<1908>) («Я сошел к земному долу, / Полон звуков и огня» (1999, с. 111)), образ искусства как «жертвенника красоты» (2003с, с. 150) – в статье «Порванный невод» (<1919>), концепт «слово-жрец» (1999, с. 386) – в стихотворении «Труд» (<1918>). Так, брюсовская концепция жертвенного искусства и его мотив восхождения поэта-визионера к надмирной реальности входят в состав авторского мифа Клюева о поэзии как жертве красоте и о самом поэте как о жреце этой красоты – духовной и материальной.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Произведения поэта-символиста стали ближайшим контекстом, а в некоторых случаях и источником образов и мотивов в творчестве Клюева 1900-х – 1910-х гг. К таковым можно отнести образ странника, мотивы метафизического пути и избранничества как духовной ипостаси, которая принадлежит человеку из народа. Ключевская небесная топонимика и утопическое художественно-философское пространство также восходят к брюсовскому истоку. Поэтов сближают житетворческий пафос, мотивы преодоления, борьбы, витальности в их устремлении к обретению духовной реальности, а также образ будущего, в котором эта реальность должна состояться. Брюсова и Клюева отчасти объединяют категория братства как мистического единения посвященных с проективными задачами и понимание искусства как «священной жертвы», визионерского сверхчувственного опыта и метафизического откровения.

Семантическое своеобразие обозначенного выше образно-мотивного ряда определяется тем, что Клюев видел источник своего искусства в «нетленных кладах народного духа», в т. ч. в народной духовной поэзии, а свое избранничество – в «посвящении от народа» и в принадлежности к глубинной христианской традиции. Для Клюева поэзия – это форма апостольского служения, подразумевающего определенную нравственную и этическую высоту, в которой Брюсов не испытывал острой человеческой и творческой потребности.

Таким образом, можно говорить о значительной роли Брюсова в оформлении обозначенных выше художественно-идейных доминант творческого сознания Клюева 1900-х – 1910-х гг. Влияние Брюсова коснулось как эстетики, так и поэтики раннего Клюева. Выявленные текстуальные переключки между произведениями поэтов позволяют говорить о том, что творческое становление Клюева осуществлялось под значительным воздействием магистральной системы представлений символистов и их литературного арсенала.

В качестве перспектив дальнейшего исследования в контексте обозначенной темы можно наметить изучение влияния других поэтов-символистов на творческую эволюцию Н. А. Клюева.

Материалы исследования | Research materials

1. Бессонов П. А. Калеки переходные: сборник стихов и исследование П. Бессонова: в 2 ч. М.: Тип. А. Семана, 1861. Ч. 1. Вып. 1.
2. Брюсов В. Я. Предисловие // Клюев Н. А. Сосен перезвон. Изд-е 2-е. М.: К. Ф. Некрасов, 1913.
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1973а. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1973б. Т. 2. Стихотворения. 1909-1917.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1975. Т. 6. Статьи и рецензии. 1893-1924.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Издание Общества любителей российской словесности, 1865. Ч. 2.
7. Клюев Н. А. Переписка с В. Я. Брюсовым и письма к И. М. Брюсовой (1911-1915) (Приложение 2) // Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907-1915 / публ. и вступ. ст. К. М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003а.
8. Клюев Н. А. Письма к Александру Блоку: 1907-1915 / публ. и вступ. ст. К. М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003б.
9. Клюев Н. А. Сердце Единорога: стихотворения и поэмы / предисл. Н. Н. Скатова; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999.
10. Клюев Н. А. Словесное древо: проза / вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003с.

Источники | References

1. Азадовский К. М. Вступительная статья // Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907-1915 / публ. и вступ. ст. К. М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003.
2. Базанов В. Г. С родного берега: о поэзии Николая Клюева / отв. ред. А. И. Павловский. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990.
3. Кудряшов И. В., Пяткин С. Н. Лирический сюжет цикла «Спас» Николая Клюева как духовная автобиография поэта // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-290-310>
4. Маркова Е. И. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009.
5. Нике М. Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Ключеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», Петрозаводск, 21-25 сентября 2004 года / сост. и науч. ред. Е. И. Маркова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006.
6. Пономарева Т. А. Мотивы отплытия/отлета в поэзии Н. А. Клюева // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59).
7. Семенова С. Г. Певец заповеданной Руси (Николай Клюев) // Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. Т. 1.
8. Солнцева Н. М., Солнцева Е. Г. Голгофское христианство в творческой истории Н. Клюева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 4. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-25.117>
9. Субботин С. И. Николай Алексеевич Клюев (1884-1937): хронологическая канва жизни и творчества. Томск: ТМЛ-Пресс, 2009.
10. Терешкина Д. Б. Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. <https://doi.org/10.15393/j9.art2019.5861>

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках научного проекта Российского научного фонда № 25-28-01038 «Н. А. Клюев и С.А. Есенин в диалоге с классиками и современниками: традиции и новаторство», <https://rscf.ru/project/25-28-01038>.

The publication was prepared within the framework of the Russian Science Foundation research project No. 25-28-01038 “N. A. Klyuev and S. A. Yesenin in Dialogue with Classics and Contemporaries: Traditions and Innovation”, <https://rscf.ru/project/25-28-01038>.

Информация об авторах | Author information

RU

Серегина Светлана Андреевна¹, к. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

EN

Svetlana Andreevna Seregina¹, PhD

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow

¹ serjogina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.08.2026; опубликовано online (published online): 30.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Н. А. Клюев; В. Я. Брюсов; поэзия символистов; новокрестьянская поэзия; искусство как «священная жертва»; N. A. Klyuev; V. Ya. Bryusov; Symbolist poetry; New Peasant poetry; art as “sacred sacrifice”.